

Война застала меня в Кандалакшском заповеднике, куда я поехала с мужем, аспирантом кафедры зоологии позвоночных, В.М. Модестовым, только что защитившим диссертацию. Он ехал в качестве зав. научной частью Кандалакшского заповедника, я, как аспирант Л.А. Зенкевича 1-ого года обучения, собирать материал по теме. Когда началась война, мы с мужем были на островах и, видя, пролетевшие самолёты, предполагали, что это манёвры, пока к нам не приехали и не сообщили страшную весть. Я была эвакуирована с последним эшелонном вместе с сотрудниками заповедника, Н.Н. Карташевым, тогда студентом-дипломником и писателем Г.С. Скребицким, приехавшим в заповедник писать книгу. Мы должны были пересаживаться на другой поезд на станции Мга под Ленинградом, и, как потом выяснилось, наш поезд был последним – дорога на Ленинград была отрезана в тот же день. Мгу заняли немцы. Муж оставался ещё в заповеднике и, как мне писал, объехал все острова, прощаясь с каждым, со своими научными планами и мечтами (кстати его хлопотами мы обязаны, что ос-в Великий стал заповедным). Мы прощались тогда с ним навсегда – он погиб смертью храбрых 9 августа 1941 года на Карельском фронте, «похоронку» получила через месяц.

Я приехала в Москву, сразу же была зачислена в пожарную команду Биофака (до эвакуации университета её начальником был В.И. Цалкин, а после эвакуации – Д.М. Выжлинский). Мы были на казарменном положении – трое суток дежурства на четвёртые отпускали домой. Наш пост вместе с Н.Н. Горчаковской был залом Сравнительной анатомии Зоомузея. Спали, не раздеваясь, с перерывами на время тревоги. Тревоги чаще всего были когда стемнеет и до 4-х утра. Наши спальни были в разных комнатах Зоомузея и Биофака. Особенно безопасно и «уютна» я себя чувствовала в кабинете проф. Б.С. Матвеева, под его рабочим столом, в этой же комнате спали ещё три девушки – на диване, на крышке дивана и на столе. Когда бывала дома (а наш дом находился на углу Красной площади) мы с мамой в убежище не ходили, но во время налётов – замирало сердце от прерывистого гула фашистских бомбардировщиков, тем паче, что, когда немцы оказались близко от Москвы, с нашего разрешения, нам под пол в кухне положили запасы тола, что отнюдь не прибавляло храбрости. В университете, «на людях» чувствовала себя лучше, почему-то было не так страшно.

Самым страшным днём был день 16 октября, когда фашисты были на подступах к Москве и на улице Герцена мы слышали гул канонады. С фронта приезжали друзья, подбадривали нас. Помню, как в нашу «дежурку» зашёл антрополог А. Шмаков и вселил в нас уверенность, сто Москва крепко защищена и у нас как-то стало легче на душе.

29-го ноября был эвакуирован основной состав профессуры. Начальником МПВО был Д.А. Транковский, начальником охраны биофака директор зоомузея проф. С.С. Туров. Я как аспирант, должна была уезжать также, но на моих руках оставалось пять стариков, в том числе больные родители мужа, я бы их до Ашхабада не довезла. Меня, благодаря стараниям Г.Г. Абрикосова, зачислили ассистентом, оставив в охране университета в пожарной команде. Поздно вечером 29-го ноября, когда университетский эшелон ещё стоял на путях вокзала была сброшена бомба у Мехмата, попав в решётку между мехматом и Моховой, повредив здание мехмата и клуба университета. В эту ночь я не дежурила, но когда рано утром возвращалась на дежурство, весь переулок рядом с Зоомузем был усеян осколками стёкол, а окна Зоомузея зияли черными дырами. Внутри здания было тоже много осколков, и стоял туман от поднявшейся пыли, а кое-где лежал и снег (зима была очень морозной и снежной). Окна наскоро забили фанерой.

Ночью мы дежурили на крышах и чердаках, а кто постарше на лестницах и в аудиториях, днём были заняты на разных работах, в зависимости от надобности и сезона. Летом 1941 года ездили периодически на окраину Москвы рыть укрепления, поздней осенью-зимой разгребали снег, занимались восстановительными работами, часто

начальник пожарной команды проводил учения. Всё хуже становилось с продовольствием. Дополнительным пайком к скудному официальному пайку сперва служил стакан разбавленного кофе («бурды») с бутербродом. Позже не стало и этого добавка и пожарники перешли на питание кошками (одна кошка как правило на всю команду из 16-18 человек), из которых варили суп и делали фрикадельки. Кошек дежурный вылавливал в подъездах и безболезненно умерщвлял. Эту операцию обычно производил кто-нибудь из физиологов. Иногда, что было крайне редко, с Волоколамского шоссе члены команды привозили мерзлую конину, и тогда из всех аудиторий Зоомузея доносился благословенный аромат варёного мяса. Было очень холодно в помещениях, согревались, кто как мог. У нас дома комнаты были закрыты, жили на кухне, где была поставлена времянка, но температура часто была около нуля, т.к. топлива не хватало. Казалось, что мозги застывают. Я особенно страдала не от голода, а от недосыпа и холода. Вместе с тем нас всех поддерживало чувство «локтя», большого товарищества, всех сближало общее горе. В общем молодёжь не унывала, а порой и веселилась. Так например, 25-го января, в день учреждения университета, тогда фашистов уже отбросили от Москвы, наша пожарная команда устроила бал-маскарад. Все нарядились в разные маскарадные костюмы, кто что сумел достать или сделать. У Наташи Горчаковской оказались два кимоно и мы были запечатлены на фоторафии в виде двух японок. Угощением в этот вечер, помимо кошечьих котлет и других «изысканных» яств, был студень из собаки, изготовленный Д.М. Вязлинским, вином служила «скорпионовка» (т.е. спирт из-под фиксированных скорпионов). Была музыка, танцы, смех. Молодость брала своё.

В начале войны фашисты бросали на Москву много зажигалок, впоследствии их стало меньше, но больше стало фугасок и осколочных бомб. Как-то вечером мы с Наташей, стоя на чердаке на своём посту, вдруг увидели яркую вспышку и потом услышали грохот. Это сбросили осколочную бомбу в длинную очередь перед диетическим магазином на ул Горького – было много жертв.

С едой стало легче – помогала картошка, которую мы посадили на окраине Красной Пресни.

В августе 1942 г мы вместе с Н. Горчаковской и Г Развязкиной были командированы комитетом комсомола на уборочную в колхозы под Зарайском в качестве агитаторов. Агитация заключалась в том, что мы вместе со всеми пололи, жали рожь. Часть труднейшей заработала «натурой» - 10 кг. Ржи, которую удалось послать почтой и 30 кг капусты. Это 2 мешка на перевес. Садиться пришлось в переполненный поезд в Зарайске. Я только вскарабкалась на ступеньки, поезд тронулся и мешки потянули меня под поезд. Спас какой-то мужчина, схватившийся за поручни сзади меня, и сильно поранивший сапогами мне лодыжки, но я и мой драгоценный груз уцелели.

С осени жизнь начала входить в свою колею. Начались занятия в университете, их проводили оставшиеся в Москве преподаватели. На нашей кафедре были Ф.А. Лаврехин и я (впоследствии к нам перешла с другой кафедры ст. лаб. О.П. Дешиц), лекции читал проф. В.Н. Беклемишев. Было всего две группы, Первыми моими учениками были Н.А. Перцов и В.А. Свешников, вскоре ушедшие на фронт, а из девушек – Е.А. Турпаева, Л.А. Козьяр и др. начала работать лаборатория экологии проф. В.В. Алпатова, в ней работали О.К. Настюкова-Россолимо и я.

Объектами исследования были вши и постельные клопы, для кормления первых приглашали доноров, но часть платяных вшей вынашивала Ольга Константиновна под своей пышной причёской с целью посмотреть возможность их превращения в головные. «Своих» клопов я кормила на себе.

Летом 1943 года вернулся из Свердловска основной состав сотрудников университета.